

ПРАВДИНСКИЕ ПЯТНИЦЫ

С точки зрения историка

О книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

Еще во времена своей комсомольской молодости Солженицын сомневался в мудрости и честности Сталина. Это сомнение, высказанное в одном из писем с фронта, и было причиной ареста и осуждения капитана Советской Армии Солженицына в 1945 году. Но он нисколько не сомневался тогда в том, что «Октябрьская революция была великолепна и справедлива и что вели ее к победе люди высоких намерений и вполне самоотверженные». Теперь Солженицын думает иначе и об Октябрьской революции, и о Ленине.

СОЛЖЕНИЦЫН О ЛЕНИНЕ.

Из всех событий, обвинений, которые Солженицын прямо или косвенно предъявляет сегодня Ленину, мы остановимся только на двух.

Солженицын считает, что Ленин настоял в 1917 году на проведении в России новой «пролетарской и социалистической» революции, хотя ни Россия, ни русский народ не были готовы к такой революции и не нуждались в ней.

Солженицын также считает, что Ленин злоупотреблял террористическими методами борьбы против своих политических противников.

Легко разбирать ошибки революционера через 50 лет после революции.

Но революционная ситуация обычно не дает политическим вождям времени для спокойного академического анализа. Впрочем, и сейчас можно предположить, что если бы российские буржуазные партии оказались способными осуществить в 1917 году хотя бы собственные буржуазно-демократические задачи (и вывести Россию из войны), то народ не пошел бы тогда на новую революцию. Но русская буржуазия по трусости и корысти не смогла решить этих столь назревших проблем, эти проблемы взялись решить большевики во главе с Лениным, и русский народ, как показала история, их тогда поддержал.

Крайне сложен вопрос о методах революционной борьбы. Ибо первая социалистическая революция — это неизбежно шаг в неизвестное. Ее не с чем сравнить, и ее вождям не у кого перенимать опыт. Здесь невозможно все заранее рассчитать, взвесить и только затем принимать решения. Предвидеть события можно чаще всего на несколько дней или недель вперед.

Основные решения и методы революционной борьбы принимаются или корректируются только в ходе событий. Ленин хорошо понимал это и нередко повторял слова Наполеона: «Сначала ввязаться в бой, а там посмотрим». Такая революция невозможна без риска, без риска поражения и без риска ошибок. Но и не дать сигнал к революции, когда она стала возможной, это тоже очень большой риск для революционной партии.

Неудивительно поэтому, что у Ленина и возглавляемого им Советского правительства было немало ошибок и просчетов. Эти ошибки затянули гражданскую войну в России и сделали ее более ожесточенной. Эти просчеты затянули переход к нэпу и усилили на первых порах хозяйственную разруху. Не оправдались и надежды Ленина на скорую революцию в Европе, которая даст России техническую и культурную помощь. Советское правительство пошло слишком далеко в ограничении демократии в нашей стране.

Этот список просчетов и ошибок можно продолжить. Однако никакая кибернетика не поможет доказать, что вооруженное восстание 24 октября 1917 года было исторически преждевременным шагом и что все последующие злодеяния сталинского режима вытекали из этой роковой ошибки Ленина. Ибо и после смерти Ленина путь нашей партии вперед был движением по нелепой извешанной дороге. К сожалению, те, кто сменил Ленина во главе партии, не имели его ума, знаний, умения находить в большинстве трудных ситуаций верное решение. Поэтому они не использовали и малой части тех возможностей, которые давала Октябрьская революция для быстрого продвижения вперед к подлинно социалистическому и демократическому обществу.

Мы и сегодня еще далеки от этой цели. Сталин не только не шел «стопой в точно указанную стопу» (таких «точно указанных стоп» в истории не бывает), но и те несколько вещей, которые наметил Ленин в своих последних заметках, Сталин очень быстро отбросил в сторону.

В условиях революции и в условиях гражданской войны ни одно правительство не может обойтись без тех или иных форм насилия. Но и самый беспристрастный историк должен будет сказать, что разумная мера в использовании насилия была многократно превышена уже в первые годы Советской власти.

С лета 1918 года нашу страну захлестнула волна как белого, так и красного террора. Большая часть этих актов массового насилия была совершенно излишней и вредной даже с точки зрения логики и интересов классовой борьбы. Этот террор лишь ожесточал враждующие стороны, затягивал войну и порождал новые ненужные насилия. К сожалению, и Ленин в первые годы революции гораздо чаще произносил слово «расстрел», чем это вынуждалось складывавшейся обстановкой. Солженицын цитирует Ленина не искажая, но лишь неодобрительно комментируя. Но вряд ли кто-нибудь сегодня одобрит такой, например, приказ Ленина председателю Нижегородского губсовета Г. Федорову: «Надо напирать все силы... навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.» (подчеркнуто Лениным) (ПСС, т. 50, стр. 142). Вывезти — да, но зачем убивать женщин?

Об этих злоупотреблениях властью можно пожалеть, их следует осудить. И все же этот террор времен гражданской войны не предопределил страшный террор сталинской эпохи.

Ленин совершил немало ошибок, многие из которых он сам признавал неоднократно. Честный историк несомненно должен отметить все эти ошибки и злоупотребления властью. Однако общий итог деятельности Ленина, как мы уверены, был положительным. Солженицын думает иначе. Это его право. В социалистической стране каждый должен иметь возможность высказать свои взгляды и свои мнения о деятельности любого политического руководителя.

СОЛЖЕНИЦЫН О КРЫЛЕНКО. Солженицын не жалуется в своей книге ни одну из русских революционных партий. Есеры — это террористы и краснобаи, «никогда достойно не возглавляемые». Меньшевики, видимо, только краснобаи. Но более всего достается от Солженицына большевикам, которые хотя и сумели захватить и удержать власть в России, но проявили при этом чрезмерную и совершенно ненужную жестокость. Из большевистских руководителей Солженицын особенно выделяет Н. В. Крыленко, председателя Верховного революционного трибунала и прокурора республики, главного обвинителя на многих «показательных» судебных процессах в первые годы Советской власти. Этим процессам Солженицын посвящает почти полностью две главы («Закон — ребенок» и «Закон мучает»), да и в других главах имя Крыленко встречается часто.

Конечно, можно сказать, что первые годы Советской власти были временем самой ожесточенной борьбы Советской республики за свое существование. И если нужна была революция и Советская власть, то ее нужно было защищать от многочисленных и беспощадных врагов, а этого нельзя было бы сделать без военно-революционных трибуналов и без ВЧК.

Но и при этих оговорках нельзя все же не видеть, сколь не-

справедливы и бессмысленно жестоки были во многих случаях эти «судебные» и несудебные расправы, сколь много было и в ВЧК, и в трибуналах случайных, неумных и до предела озлобившихся людей. И Крыленко стал здесь скоро одним из главных режиссеров, мало отличаясь при этом от председателя якобинского трибунала Коффеняля, который вместе с активными роялистами отправлял на гильотину и простых обывателей, в том числе 70-летних старух и 18-летних девушек, и революционеров, недовольных Робеспьером, и знаменитого химика Лавуазье, просившего хотя бы позволить ему закончить важную серию опытов («Нам не нужны ученые», — ответил Коффеняль).

Конечно, Крыленко не был исключением среди большевиков. Но и не все руководители этой партии были похожи на Крыленко. К сожалению, революционерами становятся не только самые честные и мужественные люди своего времени. К революции, особенно в пору подъема, примыкают и люди озлобленные, тщеславные, корыстолюбивые, честолюбивые, люди с холодным сердцем и нечистыми руками, а также много просто неумных и тупых фанатиков, способных на все. Но это вовсе не повод, чтобы осуждать всякую революцию и всех революционеров.

Нужно учесть и другое. Для революционеров главным испытанием оказались не тюрьмы или каторга, не смелые атаки под пулеметным огнем белогвардейцев, не голод и холод, а власть, и при этом власть на первых порах почти ничем не ограниченная. Давно известно, что власть развращает и портит нередки и самых хороших людей.

Приходится с сожалением отметить, что очень многие из большевиков не выдержали этого испытания властью. Задолго до своей гибели в миссубрике сталинских репрессий эти люди сами оказались руководителями и участниками многочисленных и жестоких репрессий, в большинстве своем ничем не оправданных, ненужных и вредных. Но из этого вовсе не следует, что и до революции все эти большевики были такими же несправедливыми и жестокими, равнодушными к страданиям людей, что они и тогда не руководствовались самыми лучшими побуждениями и самыми высокими целями и идеалами.

Надо полагать, что и Крыленко, вступивший в партию в 1904 году, был не тем человеком, каким он стал в 1920 году.

Солженицын понимает это развращающее влияние власти над людьми. С предельной открытостью он пишет, что и сам он после года тяжелой и голодной солдатской жизни, после года муштры и изматывающей шагистики, пережив немало несправедливостей от самых младших командиров, начисто все это забыл, едва лишь стал лейтенантом, а вскоре и капитаном. В своем сознании он стал резко отделять себя от подчиненных ему солдат, он все меньше понимал тяготы их фронтовой жизни, все более отделял себя от них как человека иной породы и иной касты. Он не задумываясь пользовался всеми офицерскими привилегиями, называл на «ты» отцов и дедов, понукал своего денщика и даже был иногда настолько суров с солдатами, что какой-то старый полковник счел необходимым во время ревизии сделать ему выговор. «Оказалось», — признается Солженицын, — что от офицерских погон, всего два годика вздрагивавших на моих плечах, натряслось злостью ядовитой пыли мне в голову между ребрами». Более того, едва не стал Солженицын и офицером НКВД, его убеждали пойти в училище НКВД, и если бы сильнее нажали, то согласился бы. И, вспоминая свое офицерство, Солженицын, беспощадный и к себе, признается: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был — вполне подготовленный палач. И по пади я в училище НКВД при Ежове — может быть, у Берии я вырос бы как раз на месте».

Но если за два года младшего офицерства так изменился Солженицын, то что говорить о Крыленко, который за срок намного меньший взметнулся от прапорщика до Верховного глав-

нокомандующего всей русской армией, а затем и до председателя Верховного трибунала, заместителя наркома юстиции и главного прокурора РСФСР. Хотя и окончил Крыленко до революции два факультета, но от такой чрезвычайной власти опьянел и поглупел до неузнаваемости.

«Видимо, злодейство», — пишет Солженицын, — есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, осклабывается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется — но пока не преступлен порог злодейства — в его возможностях возврат, и сам он — еще в объеме нашей надежды. Когда же густотой злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог — он ушел из человечества. И может быть — без возврата».

«Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением», — пишет в другом месте Солженицын. «Если б это было так просто! — что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только отличить их и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?.. В течение жизни одного сердца эта линия перемещается и на нем, то теснящая радостным злом, то освобождающая пространство рассеяющему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем все». В этом глубоком замечании Солженицына мы видим по крайней мере частичное объяснение той драмы и того грехопадения очень многих большевиков, которые еще до того, как они стали жертвой сталинского террора, были уже отнюдь не последними винтиками в созданной Сталиным машине произвола.

ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ СОЛЖЕНИЦЫН? Но если власть развращает и портит людей, если политика, как думает Солженицын, — «это даже не род науки, это — эмпирическая область, не описываемая никаким математическим аппаратом, да еще подверженная человеческому эгоизму и слепым страстям», если все профессиональные политики — это «чирьи на шее общества, мешающие ему свободно вращать голову и двигать руками», то к чему мы должны стремиться, как строить справедливое человеческое общество?

Солженицын говорит об этом мимоходом, он заключает свои мысли в скобки, не разясняя и не растолковывая их подробно. Но и из этих кратких замечаний видно, что Солженицын считал бы самым правильным такое построение общества, «когда его возглавляют те, кто могут разумно направить его деятельность». Такими людьми являлись в первую очередь инженеры и ученые (а рабочие, по мнению Солженицына, лишь подсобники инженеров в промышленности). Но кто возьмет на себя нравственное руководство обществом? Из всех рассуждений Солженицына вытекает, что нравственное руководство обществом способна осуществлять некая политическая доктрина, но только религия. Только вера в бога может служить опорой человеческой нравственности, и только глубоко верующие люди смогли лучше других пройти через все тяготы сталинских лагерей и тюрьм.

Эти мысли отдают утопией, они даже не слишком оригинальны. Солженицын наносит страшные по силе удары по всем видам политической лжи. Он справедливо призывает советских людей, и прежде всего молодежь, не способствовать лжи и не сотрудничать с ложью. Но нужно не только убедить людей в ложности тех или иных политических доктрин, но и дать людям правду, убедить их в истинности тех или иных взглядов. Однако для подавляющего большинства советских людей религия уже не является и не может стать истиной, и молодежь XX века вряд ли найдет для себя руководство в вере в Бога. Да и как без политики и без поли-

тической борьбы инженеры и ученые смогут взять на себя управление общественными делами или хотя бы одной только экономикой? Но если бы это и было возможно, как предотвратить перерождение такого общества в диктатуру технократов? А разве передача религий функций нравственного руководства обществом не приведет со временем к возникновению самой худшей формы теократического государства?

Касаясь репрессий 1937 года, Солженицын пишет: «Может быть, 37-й год и НУЖЕН был для того, чтобы показать, как мало стоит все их МИРОВОЗЗРЕНИЕ, которым они так бодро хорохорились, разворачивая Россию, громя ее твердыни, топчая ее святые». Речь идет, как можно легко понять, о марксизме. Но Солженицын не прав. Не марксизм породил извращения сталинизма, и преодоление сталинизма вовсе не будет означать крушения марксизма и научного социализма. Да и хорошо знает Солженицын и говорит в другом месте о том, что и религиозная идеология облегчила двухсотлетние зверства инквизиции, сожжения и пытки еретиков.

Во всяком случае меня очень мало устраивают эти идеалы Солженицына. Я глубоко уверен, что в обозримом будущем наше общество должно строиться на сочетании социализма и демократии и что именно развитие марксизма и научного коммунизма позволит создать наиболее справедливое человеческое общество.

Инженеры и ученые должны иметь гораздо больший вес в нашем обществе, чем они имеют сегодня. Но это вовсе не исключает и научно организованного политического руководства. Оно предполагает, в частности, ограничение большинства привилегий для руководителей, разумное ограничение политической власти, эффективный народный контроль, самоуправление везде, где оно только возможно, расширение полномочий местных органов власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, ограничение любых политических полномочий определенными сроками, полную свободу слова и убеждений, включая, естественно, и свободу религиозных убеждений и религиозной проповеди, свободу организаций и собраний для людей и групп всех политических направлений, свободные выборы с одинаковым правом на выдвижение своих кандидатов для всех политических группировок и партий, свободу передвижения по стране и свободу выезда и т. д., и т. п. Только такое общество, свободное, разумеется, и от эксплуатации человека человеком и основанное на общественной собственности на все главные средства материального производства, сможет обеспечить беспрепятственный и всесторонний (в том числе и нравственный) прогресс как всего человечества, так и отдельной человеческой личности.

И пока нет у нас такой подлинно социалистической демократии, развитие нашей страны будет по-прежнему медленным, односторонним и уродливым, и не часто будут появляться у нас такие гиганты духа, как Солженицын.

Перед арестом Солженицын считал себя марксистом. Пройдя через жестокие испытания, описанные с такой беспощадной правдой в «Архипелаге ГУЛАГ», Солженицын утратил веру в марксизм. Это дело его совести и его убеждений. Солженицын никому не изменял и никого не предавал. Сегодня Солженицын противник марксизма, и он не скрывает этого.

Марксизм, конечно, не погибнет, потеряв одного из своих бывших приверженцев. Мы думаем даже, что марксизм только выиграет от полемики с таким противником, как Солженицын. Иметь такого противника все же гораздо лучше для марксизма, чем иметь таких «защитников», как Кочетов или Софронов. Ничего не стоила бы идеология, которую нужно навязывать людям только силой или угрозой применения силы. К счастью, подлинно научный социализм в этом не нуждается.

Рой МЕДВЕДЕВ.

20—27 января 1974 г.

Окончание. Начало см. в номере от 18 декабря с. г.